

Фата-Моргана

Александр Неуймин

1

Родился я в 1989 году в Неваде и до четырнадцати лет благополучно проживал в маленьком городке близ столицы нашего штата Карсон-Сити.

Моим родителям принадлежала небольшая автозаправочная станция, доставшаяся папаше в наследство от его беспутного дяди. Отец целыми днями торчал в магазинчике или мастерской, если случались заказы на починку какой-нибудь древней развалюхи, непонятным образом добравшейся до нас и здесь отдавшей Богу свою механическую душу. Матушка же ведала небольшим мотелем на шесть комнат — довольно популярное место среди влюбленных парочек с томными взглядами и коммивояжеров с пыльными чемоданами. Эти сумки и свертки стали нашими постоянными спутниками спустя несколько лет. А пока жизнь моя была похожа на кисель — вязкий и мутный.

Весь мой детский мир вращался вокруг нашего семейного бизнеса да школьного автобуса, желтым кошмаром врывающегося в предраассветные сумерки каждую неделю, с понедельника по пятницу. Школа — мой ужас, моя боль, мой страх...

Все началось с того момента, когда мы прошли обязательный тест на определение умственного развития. После этой процедуры ко мне намертво прикипело прозвище «Семьдесят первый». Всего один балл отделял меня от отправки в школу для дефективных. Этого не случилось, но мое личное дело на всю жизнь украсила литера «С» — «неспособный». Надо ли говорить, что все случившееся не осталось без внимания моих одноклассников. На долгие шесть лет я превратился в полное ничтожество, проводящее большую часть времени за горой гимнастических матов школьного спортзала в безуспешной попытке спрятаться от одноклассников, спрятаться от самого себя.

Родители всячески старались поддерживать меня, отец уверял, что для работы в нашем бизнесе моих мозгов более чем достаточно, а с яйцеголовыми учеными мне общаться не придется. Как же он ошибался.

В июне 2003 года впервые за много лет отец собрался в отпуск. Возможно, наша жизнь и дальше протекала бы в привычном русле, но у папы была своя страсть. Он до дрожи обожал телевизионные викторины. Его заветная мечта — приз в миллион долларов и фото на обложке журнала «Таймс». И если в прямом эфире звучал вопрос, отец, забросив все дела, бросался к телефону в тщетной попытке проявить свои знания. Иногда ему это удавалось, чаще милый голос просил подождать или попробовать дозвониться в другой раз. Тем не менее деньги лились рекой. Жаль только, что течение этого потока было направлено в противоположную от нашей семьи сторону. Если сложить вместе все счета телефонной компании, оплаченные нами, миллиона, конечно, не выйдет, но сумма все равно приличная.

ФАНТАСТИКА

И все же однажды папе повезло. Нет, денег он не выиграл, но ему досталась туристическая путевка. Десять дней отдыха в тропическом раю. К отъезду родителя готовилась вся семья. Мама несколько раз переключивала чемодан, проверяя, на месте ли носки и гавайские рубашки. Папа ходил важный и ежедневно за ужином считал своим долгом напомнить, что я остаюсь за старшего мужчину. А мне было обидно. Через несколько дней мой день рождения, и я первый раз в жизни буду встречать его без отца.

Он отправился в путешествие 18 июня, а через два дня, в день моего четырнадцатилетия, раздался телефонный звонок и суровый мужской голос сообщил, что яхта, на которой отец отправился на дайвинг, попала в шторм и не вернулась в порт. Отца искали десять дней...

Примерно месяц мама ходила сама не своя, а в конце июля сообщила мне, что продала наш мотель вместе с заправочной станцией, магазином и мастерской и теперь нам придется срочно уехать. Мы стали похожи на тех коммивояжеров, что останавливались у нас на ночь. Сумки, чемоданы, свертки, потухшие глаза. Потом — несколько лет, подобных калейдоскопу: маленькие городки сменяли мегаполисы, придорожные гостиницы — отели средней руки. Школы перестали быть кошмаром, и я даже не запоминал имена учителей. Ни в одном городе мы не задерживались больше чем на пару месяцев. Врагов у меня не было, я просто не успевал их себе нажить. Мы болтались по всей стране, но никогда даже не приближались к побережью.

С каждым годом мама все больше отдалялась от меня и всего остального мира. Часами она могла сидеть неподвижно перед фотографией отца, затем резко вскакивала и начинала метаться по комнате. Нет, она не кричала, не впадала в истерику, но от этого мне становилось лишь страшнее. Нередко я думал о том, что живу словно в старом немом кино: быстрая смена кадров, черно-белая реальность да уснувший тапер, забывший об обязанности озвучивать весь этот мелькающий бред.

Поздним вечером 25 декабря 2007 года мамы не стало.

Говорили, что водитель грузовика слишком спешил к рождественскому столу, не знаю. Мне кажется, мама намеренно шагнула под колеса. Она так и не научилась жить без отца. Я не хочу вспоминать о том дне, когда остался совсем один.

Как ни странно, мне все же удалось окончить школу. Денег, полученных по страховке, при достаточно бережном отношении могло хватить на несколько лет, а я был очень экономным. В связи с тем, что мы словно полоумные скакали из города в город, мне пришлось выбрать профессиональный профиль. Смысл таких занятий сводился к тому, что большую часть времени мы проводили в школьных мастерских, количество же академических часов при такой системе сокращалось до минимума. В конце кон-

цов, сдав необходимые зачеты по шестнадцати курсам, я стал счастливым обладателем диплома об окончании средней школы. Понятно, что знаний, полученных мной при такой подготовке, было недостаточно для поступления в колледж. Впрочем, я и не стремился учиться. Мне хотелось побывать в тех местах, где отец провел последние дни своей жизни. Я отправился на юго-восток штата Вирджиния.

Именно там, в Вирджинии-Бич, среди лавок с мороженым и китайской едой я наткнулся на лоток характерной защитной раскраски, украшенный надписью «US Army».

Ко мне подошел офицер в форме ВМС США и молча сунул в руки листовку. Я прочел: «Люди начинают понимать, что свобода никогда не бывает бесплатной. Они привыкли к тому, что свобода — это неотъемлемое и естественное право. И к сожалению, только события, подобные тем, что поразили Америку, заставляют народ задуматься, какова все-таки цена свободы».

Чуть ниже красовалась размашистая подпись: «Майор Марк Эпли».

Я непонимающе уставился на офицера.

— О чем здесь речь, сэр?

— Террористы, сынок. Они угроза, с которой должен бороться любой гражданин. Надеюсь, ты гражданин?

— Конечно, сэр!

— Замечательно! — Офицер приблизился ко мне почти вплотную. — Кто твои родители?

— Я сирота, сэр.

— Сынок, поверь мне, ты не случайно появился здесь. Служба в армии словно создана для таких, как ты.

Он принялся совать мне в руки красочные буклеты, описывающие прелести армейской жизни...

Если вы меня спросите, почему в тот день я поставил свою подпись под заявлением о желании вступить в ряды Вооруженных сил США, я не смогу ответить. Наверное, офицер оказался опытным психологом, ведь это его работа — тащить в армию таких оболтусов, как я, а может быть, он был очень похож на моего отца... В общем, я стал рядовым армии Соединенных Штатов. И самое смешное, мне понравилось служить. Кстати, до океана я все же добрался.

2

Научная станция «Ингрид» уже несколько лет занималась обучением дельфинов для охраны военно-морской базы Китсап-Вангор, расположенной недалеко от Сиэтла. Станция была именно научная, назвать ее военной у меня язык не поворачивается. Несколько белых корпусов исследовательских лабораторий уютно разместились вдоль побережья небольшой бухты, огороженной от океана невысокой дамбой. Поистине райский уголок...

Однажды, взяв ведро с рыбой, я направился к бассейну.

— Майкл! — Сержант высунулся из дверей казармы. — Подожди сюда.

— Слушаю, сэр! — Я вытянулся по стойке «смирно».

— Сегодня должен приехать новый яйцеголовый. Проследи за тем, чтобы был подготовлен карантинный бокс.

— Сэр, разрешите спросить?

— Я слушаю, рядовой. — Сержант задумчиво смотрел поверх моей головы, выпуская ароматные клубы сигарного дыма.

— Сэр, кого мы ждем?

Сержант удивленно посмотрел на меня:

— Какая тебе разница?

— Просто интересно, сэр.

— В общем-то это не мое дело, но я слышал, как начальник лаборатории распинался, мол, эти русские уже и сюда добрались.

— Сэр, так новый яйцеголовый — русский?

— Вроде того. — И сержант смачно выругался. — Твою мать! То мы с ними воюем, то они лучшие друзья. Черт бы побрал этих политиков.

— Еще вопрос, сэр. Для кого готовим бокс?

— Представляешь, этот русский медведь решил явиться к нам со своим собственным дельфином! — Сержант расхохотался и запустил окурком в мусорный контейнер. — Ладно, иди.

Я молча побрел выполнять приказ.

Вот ведь дела — собственный дельфин! Этот русский и впрямь полный придурок...

Накормив рыбой нашу «Великолепную шестерку», я вооружился шваброй и приступил к уборке огромной ванны, гордо именуемой карантинным боксом.

Спустя сорок минут, глядя на почти наполненную водой емкость, я заметил человека, стоящего рядом с центральным бассейном. Заинтересованный, я подошел поближе.

Незнакомец неожиданно вскинул вверх руку и резко свистнул. Все шесть наших дельфинов, словно по команде, выпрыгнули из воды. Я восторженно зааплодировал. Мужчина обернулся и, улыбаясь во весь рот, поманил меня рукой:

— Привет, кто такой? Служишь здесь?

— Рядовой Майкл Стелпер, сэр.

— Значится, Степлер. — Мужчина с интересом оглядел меня с ног до головы. — Наслышан, наслышан. Намучаешься ты с такой фамилией.

— Прошу прощения, сэр. Не понял.

— Да ладно, чего там. Шутка юмора это.

— Понятно, сэр. — Я растерянно огляделся, не зная, стоит ли продолжать разговор или уже пора звать охрану.

Мой собеседник, казалось, несколько сконфузился, но затем, снова улыбнувшись, протянул мне руку:

— Давай знакомиться, что ли? Игорь Сергеев, доктор наук, с сегодняшнего дня твой непосредственный начальник.

— Док...

— Да, кстати, я тебя очень прошу не называть меня доком. Понимаешь, у нас так принято обращаться только к врачам, а из меня врач — как из свиньи физик-ядерщик.

— Где это у вас, сэр?

— Есть такая страна, рядовой, Россия...

Так, широко улыбаясь, в мою жизнь ворвался Игорь.

Порез, заработанный мной сегодня утром, слегка побаливал. Глупо: перетягивал ограждение возле дамбы и случайно зацепился за «колючку», словно нарочно брошенную здесь же. Ладно, все это мелочи жизни, как говорит Игорь.

— Сэр, разрешите вопрос?

— Валяй. — Игорь валяжно развалился в шезлонге и потягивал коктейль.

— Что у него с головой?

Русский приподнялся и посмотрел на дельфина. Борька, вот уже полчаса нарезавший в бассейне бесконечные круги, остановился и, высунувшись из воды, поприветствовал хозяина радостным стрекотом.

— А что не так?

— Наросты, сэр.

— Ах, это! — Игорь вытащил из ведра сардину и бросил в воду. — У него в голове электроники на десяток-другой тысяч долларов. Все не поместилось, вот и пришлось, так сказать, раздвинуть границы.

Игорь поднялся на ноги и немного походил по пляжу, затем вновь уселся у догоравшего костра.

— В конце шестидесятых под Херсоном — есть на Украине такой город — была оборудована секретная база, где проводили опыты с дельфинами. Поначалу какой-то умник предложил использовать их в качестве камикадзе.

— Как это — камикадзе? Ничего себе!

Грустно улыбнувшись, Игорь продолжил:

— А чему ты удивляешься? В советскую эпоху отношение к человеку как к расходному материалу было общим местом, а к дельфинам — тем более... Но эту программу пришлось быстро свернуть: после первого же испытания «в условиях, близких к боевым», то есть после первой же гибели дельфина, его сородичи послали своих инструкторов ко всем чертям и отказались исполнять их приказы. Даже за рыбу.

— Молодцы!

Я искренне порадовался за дельфинов, это надо такое удумать — дельфин-смертник.

Игорь все же сделал из бутылки большой глоток.

— Впрочем, если самоубийц из наших друзей сделать не удалось, то сторожами они стали отменными.

— Еще из них получаются хорошие разведчики, — поддакнул я. — Помните ту программу по обнаружению вражеских субмарин?

— Помню, конечно. Ты прав, разведчиками они оказались будь здоров. И теперь решено возобновить программу подготовки диверсантов — правда, несколько в ином ключе.

— Придумали, как сделать так, чтобы животные оставались в живых?

— Нет, по-другому. — Игорь задумчиво поглядел на мерцающий в лунном свете океан. — Кажется, нашли способ убедить братьев наших меньших с радостью выполнять любой приказ... В этот момент в районе дамбы прогремел взрыв.

3

— Да кто ты такой, твою мать! — Игорь со всей силы пнул катавшегося по земле налетчика.

Пленный молчал, не иначе, решил, что пришло время геройствовать. Я мысленно посмеялся над его потугами. Какой смысл? Возможно, этому горе-террористу и удалось бы отмолчаться, участвуй в допросе только Игорь, но рядом стоял злой, как черт, сержант. Нет, ну согласишься, кому понравится проснуться оттого, что через тебя перепрыгивают два твоих недавних собутыльника и уносятся в ночь один с криками «тревога!», а второй — с малопонятными, но очень эмоциональными ругательствами.

Сержант склонился над лежащим на земле человеком и, чуть приподняв его, крепко встряхнул:

— Какая организация?

Вопрос был подкреплен не сильным, но довольно болезненным ударом в челюсть.

Налетчик жалобно заскулил:

— Общество «Океан без человека». Не бейте, прошу!

— Тебя здесь бить не собираются. Я тебя сейчас пристрелю за проникновение сюда и за попытку оказать сопротивление, а труп выброшу в море.

— Это правильно, — сказал Игорь. — Раз — и концы в воду.

— Не надо! — Пленник обвел нас обезумевшим от страха взглядом. — Я все расскажу. Это мое первое задание. Проверка. Мы хотим освободить дельфинов. Мне приказали заложить два заряда...

Похоже, теперь сержант был готов вытрясти из террориста душу.

— Где второй заряд? Отвечай, дерьмо!

— С левой стороны дамбы. Взрыв через пару минут. Мы очень боялись нанести вред дельфинам, поэтому первый заряд слабый.

Я с ужасом посмотрел в указанном направлении:

— Так там же...

— Бегом! — Сержант еще раз ударил пленного, и тот затих, потеряв сознание.

Я очень хорошо понимал, о чем сейчас думает сержант. С левой стороны дамбы располагалась подстанция, которая обеспечивала электроэнергией осветительную вышку над главным бассейном. Там же хранили запас баллонов со сжатым воздухом. Если произойдет взрыв... Ужас!

Мы подбежали к подстанции, и сержант скомандовал:

— Ищи с правой стороны, а я посмотрю возле входа и на крыше. И поторопись!

Нас догнал запыхавшийся Игорь (кабинетная работа не способствовала поддержанию хорошей спортивной формы).

— Ну как?

— Да никак.

Над козырьком крыши показалась голова сержанта.

— У меня чисто.

Я остановился напротив мусорного контейнера.

— Не исключено, что по закону всемирного свинства заряд здесь.

Игорь приблизился ко мне.

— Давай открывать, — сказал он. — Только осторожно.

Дрожащими руками я приподнял крышку и заглянул внутрь.

Небольшой сверток притаился среди обрывков шланга, старой ветоши и пустых банок из-под кока-колы. На передней панели, намертво охваченный скотчем, был дисплей, освещавший контейнер изнутри кровавым сиянием.

— Десять секунд до взрыва, — прошептал Игорь. — Все на земле!

Я тупо смотрел на сменяющие друг друга цифры. Вот отец уезжает в свой первый и последний круиз, вот мама, закрыв глаза, делает шаг под колеса грузовика, вот наша «Великолепная шестерка» встречает меня радостным поцелуйчиком, вот Игорь бинтует мою порезанную руку, сержант грязно ругается, но вместе со мной чистит бассейн — чтоб блестел, как у кота...

Я схватил сверток и побежал, унося смерть от своих друзей, от места, ставшего мне домом.

— Майкл, — голос Игоря, казалось, прорывался ко мне сквозь плотные слои ваты, — Майкл, ты слышишь меня?

Язык царапал небо, но не хотел повиноваться.

— Майкл, постарайся открыть глаза.

Я попытался, но нестерпимый свет, бивший в лицо, заставил меня вновь зажмуриться.

— Молодец, Майкл. Теперь слушай меня внимательно. Все хорошо, ты всех нас спас: и людей, и дельфинов — всех. Слышишь?

— Что со мной, сэр? — Сил, затраченных на то, чтобы произнести эту нехитрую фразу, наверное, могло хватить на перенос Бруклинского моста.

— Майкл, ты очень сильно пострадал. Да, сильно. — Игорь помолчал некоторое время. — Боюсь, что сегодня... то есть в наших условиях я не смогу тебе помочь. Слишком мало времени у тебя. Но! Но, Майкл, послушай, я могу перенести твой разум в Борьку, хотя это дорога в один конец. Короче, решать тебе, только быстро.

— Док! — Впервые после просьбы Игоря я назвал его так. — Мне больно, очень больно! Пожалуйста, док, я хочу жить...

